

КТО МЫ?

ВАДИМ ЦЫМБУРСКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА
«ОСТРОВ РОССИЯ»

Москва
издательство
РОДИНА
2024

УДК 327
ББК 63.3(4)
Ц 93

Вадим Цымбурский

Ц 93 Возвращение на «Остров Россия» / В.Л. Цымбурский.
– М.: Родина, 2024. – 208 с. (Кто мы? 20-21 век)

ISBN 978-5-00222-290-2

Вадим Леонидович Цымбурский (1957 - 2009) — советский и российский исследователь геополитики, историк и политолог.

Главной задачей Цымбурского было пересмотреть традиционные представления о России как части Европы. Такое восприятие, возникшее в результате цивилизационного выбора в XVIII веке, ложно, согласно Цымбурскому, – оно влечет за собой постоянные попытки вмешиваться в европейское пространство политическим и военным образом, самой же Европой Россия отторгается.

Когда в конце XX - начале XXI века Россия лишила себя контроля над пограничными территориями, это стало выражением глубинного стремления к изоляционизму, не осознаваемого ни российскими либералами, ни националистами. Концепция «Остров Россия», разработанная Цымбурским, стала своеобразным манифестом российского изоляционизма, отказа от претензий на участие в европейских делах в качестве европейского субъекта.

В книге приводятся наиболее значительные работы В.Л. Цымбурского, посвященные этой теме.

**УДК 327
ББК 63.3(4)**

© Цымбурский В.Л.,
правообладатели, 2024

ISBN 978-5-00222-290-2 © ООО «Издательство Родина»,
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Возвращение на «остров»

Остров Россия	6
«Остров Россия» за семь лет	43
Земля за Великим Лимитрофом	61
Россия в условиях стратегической нестабильности	89
Конъюнктуры Земли и Времени	96
Третий Рим и Вторая Великороссия	115

Недоверие к миропорядку

Европа между «Евразией» и «Евроафрикой»	124
Цивилизация — кто будет ей фоном?	129
Культура жизни	145
Недоверие к миропорядку	155

Расколота Россия

Кто вы, генерал Панаев?	169
Солженицын и русская контрреформация	176
О русском фашизме	180
«Питерский» проект, или Расколота Россия	186
Россия: линии разлома	191
Геополитика с позиции слабости	201

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА «ОСТРОВ»

Остров Россия

Критерии российской идентичности

Никогда еще вопрос о критериях геополитической идентичности России не вставал перед ней самой и миром так насущно, как сейчас. Что представляет собой эта страна? Надо ли ее рассматривать как совершенно новое государство, о чем охотно твердят российские лидеры, пытаясь отмазаться от международных грехов большевистского империализма? Или — что мир готов признать в самых разных формах, начав с передачи России места СССР в Совете Безопасности ООН, — РФ просто новая фаза истории того же самого государства, которое он знал раньше как Россию императоров и Россию-СССР коммунистов? Где критерии для ответа на эти вопросы?

Все демонтажи империй по своим итогам тяготеют к двум вариантам. При одном элиминируется место империи в мировом геополитическом раскладе, отчего структурно преобразуется весь этот расклад. Взамен империи в него входит группа государств с совершенно новыми судьбами, всецело проистекающими из постимперской ситуации и никак не продолжающими судьбы державы, смененной этими образованиями в пространстве и во времени.

В другом варианте периферийные владения отпадают, ища собственной участи, но ядро империи сохраняет роль, связанную с прежней державной ролью одной из форм наследования — эпигонством, реваншизмом или сознательной ревизией самоопределения (возможны и комбинации этих форм). Первый случай — конец Римской империи, державы монголов или Австро-Венгрии: распад без огово-

рок. В другом же случае, как с ликвидацией колониальных империй европейских государств, мы говорим о сохранении метрополией государственной идентичности и о переходе все той же страны в постимперскую фазу.

В чем состоит отличие этих вариантов друг от друга? Прежде всего во втором варианте метрополия должна обладать геополитическими характеристиками, не присущими самоопределившейся периферии, что особо наглядно выступает, когда последнюю от метрополии отделяет море. При этом роль империи в мировом раскладе должна в основном задаваться позициями метрополии, так что с отмежеванием периферии важные структурные черты миропорядка, обусловленные существованием данного государства, пребывают в неизменности.

Как это ни парадоксально, судьба, скажем, Османской империи скорее укладывается в британскую, чем в австро-венгерскую модель. Ведь постимперская Турция сохранила, вместе со своей окаймленной морями и хребтами азиатской нишей, также доступ в Юго-Восточную Европу и контроль над черноморскими проливами, а тем самым весь базисный геополитический паттерн Порты. Скорректированный в своих функциях новыми раскладами на Балканах, на Ближнем Востоке, он в то же время своим сохранением смягчает революционность перехода обоих регионов к этим раскладам.

А как же дело обстоит с Россией? Если ее геополитическая идентичность сохраняется, она должна быть определена в категориях подобного же инвариантного базисного паттерна, который объединял бы Российскую империю и СССР как ее инобытие с РФ после 1991 г. Выделим ли такой паттерн?

Сразу замечу: в этом отношении нам не поможет знаменитая концепция Х.Маккиндера, описывающая мировую роль России через контроль над так называемой сердцевиной суши (heartland) — зоной степей и пустынь, лежа-

щей во внутренней части Евро-Азии и окаймленной с севера гигантским лесным массивом. Не более приемлема и та версия теории «хартленда», которую без упоминания имени Маккиндера пропагандировал П.Н.Савицкий, видя генотип государственности «России-Евразии» в географическом и экономическом соединении «лесного» и «степного» компонентов, с особым акцентированием роли степи.

Для нас здесь эти концепции бесполезны постольку, поскольку они никак не обозначают границ российской самотождественности. В самом деле, какую часть «хартленда» или «лесостепного» комплекса должна потерять Россия, чтобы более не быть той Россией, которую мир знал веками? Перестала ли она ею быть с утратой степного Казахстана, лесной Беларуси и лесостепной Украины? Если нет, то почему? И возникнет ли принципиально иная ситуация при отделении от Европейской России зауральских территорий? Теории Маккиндера и наших эмигрантов-евразийцев никак не отвечают на эти вопросы и потому оказываются не в состоянии геополитически идентифицировать Россию. А тем самым за формулами «России-хартленда» и «России-Евразии» начинает просматриваться не неверное, но лишь окказиональное, историческое совмещение разнорядковых геополитических сущностей.

Критерии идентичности России должны лежать в иной концептуальной плоскости. И тут нам неоценимо помогает обычная топка публицистов последних двух лет — как «имперцев», сетующих на неспособность Запада оценить «слишком благородный и односторонний возврат вчерашней «империи зла» к рубежам допетровской эпохи», так и критических либералов, упивающихся тем, «что считанные месяцы политического развития вскрыли исторические пласты не XIX и XX, но XVIII и даже XVII столетий». Слово произнесено — «век XVII». И впрямь, двигаясь через нашу историю вспять, мы именно в этом веке находим ту эволюционную развилку, откуда одна линия ведет к Российской империи и СССР, а другая — к нынешней России.

Представим, в порядке контрфактического моделирования, что в середине XVII в. Россия, прикрывшись от Польши, Крыма и Турции мягким сюзеренитетом над Левобережной Украиной, отвоевав выход в Балтику и Азов, а также приняв под свою руку часть племен Кавказа, в дальнейшем перешла бы на западе к обороне и торговле, а основную силу бросила бы на освоение Сибири и тихоокеанского Приморья — того самого, которое стало в нашей топонимике Приморьем с большой буквы и без уточнений в отличие от наших «окон» в приатлантические бассейны. Разве сильно отличалась бы своими контурами страна, возникшая таким путем, от РФ, которую мы имеем? Поправки, вероятно, пришлось бы сделать и существенные: на Кенигсберг — Гуантанамо Балтики, — на часть североказахстанских степей... и на степень обжитости, а значит, и вырубленности Сибири, и на Аляску, и на упущенные в XVIII—XIX вв. тихоокеанские перспективы. И тем не менее, легко прочерчивается мысленный пунктир, который срежет великоимперскую петлю, соединив царство первых Романовых с Россией исхода XX в.

Наша задача уточняется. В современном строении России открываются признаки некой очень ранней альтернативы великоимперскому развитию. Мы еще не определили паттерна идентичности, общего у РФ с Российской империей и СССР, но знаем, что этот паттерн существует и должен совпасть с тем, который империя, сильно деформировав, переняла у Московского царства и пронесла через 280 лет. Неспособность теорий Маккиндера и евразийцев вывести этот паттерн, опираясь на физическую географию, позволяет выдвинуть следующий постулат. Чтобы геополитическая теория могла отвечать на вопросы, относящиеся собственно к России, она должна не редуccionистски, а как к автономному уровню реальности подойти к пространственному распределению существующих этноцивилизационных платформ.

Остров в «сердцевине суши»

При таком подходе Россия как геополитический объект может быть описана тремя признаками. Во-первых, это целостная геополитическая ниша русского этноса, лежащая к востоку от романо-германской этноцивилизационной платформы, не относясь к ней, и уже в пору своего конституирования в XVI в. превзошедшая коренную Европу площадью, а в XVII в. образовавшая особую платформу, заполнив пространство между Европой и Китаем. Слова о «нише русского этноса» не означают солидарности с идеей «России для русских», а лишь тот банальный факт, что веками проживание народов Поволжья, Урала и Сибири в одном государстве определялось включением собственных географических ниш этих народов внутрь оформленной в виде такого государства русской этноцивилизационной платформы.

Второй признак России — обширность трудных для освоения пространств на ее востоке, притом что за 400 с лишним лет своего государственного существования она не знала по-настоящему крупной угрозы с этой стороны света. Эксплуатация темы китайской и монгольской «опасности» идеологами вроде В.Соловьева никак не коренится в реальном геополитическом опыте России и скорее апеллирует к более ранней («перинатальной») памяти русского этноса о напоре монголоидов из степи. Напротив, органической частью становления самого Московского царства было решение «казанского вопроса», т. е. уничтожение на востоке последнего опасного антагониста, способного грозить жизненным центрам страны, и прорыв русских в кажущуюся беспредельность восточных трудных пространств: степей, тайги, тундры, океанов. После сибирских татар противники, попадавшие землепроходцам, вообще выглядели не политическими силами, а просто компонентами сопротивлявшихся освоению ландшафтов, «этно-эко-